

Басаргин Иван Ульянович
Владыка уссурийских дебрей
Рассказ

Охотники - народ неразговорчивый. Обычно, когда начинаешь спрашивать об охоте, они отвечают односложно: "увидел, выстрелил, ну и..." Но такое случается тогда, когда ты пристаешь к ним с расспросами.

Без предварительной подготовки... А вот, если соберется несколько человек в таежном зимовье, ночью, да еще в мороз, то можно услышать много интересного.

В прошлом году я испросил у редактора отпуск, поспешно ушел в тайгу. Сказать, что меня туда гнала жажда добыть зверя, будет неправдой, я шел, чтобы подышать таежным воздухом, разобраться в себе, а точнее - просто отдохнуть.

В первую же ночь я забрел в зимовье, что спряталось в чащобах Медвежьего ключа. Припоздал, там уже набилось человек шесть охотников. Все места на нарах были заняты, и мне ничего не оставалось делать, как приготовить себе лежку под нарами. А кто спал там, тот знает, как это неудобно, холодно и неуютно. После ужина мы легли спать... Но я знал, что уснут не скоро. Это была минута молчания, после которой начнутся рассказы, чудные и заковыристые, со смешинкой... И начались... Первым открыл рот Митька Брех, по фамилии Забалуев. Брехом его прозвали за вранье, потому что он был самый никудышный охотник, а говорил об охоте больше всех.

- Вот со мной был случай, - начал он. Кто-то промычал, другие хмыкнули. Хриплый голос проворчал с нар:

- Вали, Митя, давно мы тебя не слыхали.

- Промышлял я белку, - ничуть не смущаясь, продолжал Митя. - Вышел на сопку, слышу белка гуркнула. Бац ее и в питаузу. Иду дальше. Смотрю, вывалился медведь...

- Бац и в сумку, - подсказали со стороны.

- Нет, бросился на меня. Я его бац, бац из обоих стволов и выбил дробью глаза. Медведь заревел и на меня, я увернулся. Сбежал с сопки и шумлю чащей. Он ко мне, я снова...

- Старо, слышали, ты его привел в зимовье и там добил, чтобы мясо не носить далеко.

- Не хотите слушать, не надо, - обиделся Митька и смолк.

- Все это так, но скажите мне, охотнички, как вы понимаете охоту? - чуть с иронией в голосе спросил Сергей Гурьяныч Бутаров, старейший охотник-промысловик.

- А что тут понимать? Увидел зверя - бей, на то ты и в тайгу вышел.

- Выходит так, вали кулем, потом разберем, - хмыкнул Сергей Гурьяныч.

- Только так, - с хрипом сказал охотник Резвов.

- И зимой и летом? Да?

- А отчего бы и нет?

- И не жалко?

- А тебе не жалко, когда ты больше всех промышляешь белки, колонка и прочей пушнины?

- Жалость жалости рознь, на то я и добываю, чтобы за ту пушнину золото у капиталистов выкачать. Вот ты, Резвов, слышал я, в немецком концлагере был. Пять раз убегал и столько же раз тебя ловили. Страшно было?

Резвов молчал долго. Потом тихо ответил:

- Очень страшно.

- Так как же ты, сукин сын, страмотная твоя душа, дошел до такого?

- До чего же я дошел?

- А до того, - когда в наст забежала к тебе от волков в сарай косуля, а ты ее ножом? Не из ружья, по-честному, а ножом. А? Я помню, ты рассказывал, что в пятый раз, убегая от преследователей, ты заскочил к немцу-крестьянину в амбар. Он хотел тебя вилами заколоть,

но раздумал и отдал гестаповцам. Ты того немца обещал при случае убить. А как ты поступил с косулей?

- Так то ж был зверь! Понимаешь - зверь!

- Зверь, - чуть слышно проговорил Сергей Гурьяныч и вдруг взорвался: - Зверь, говоришь? Но ты-то человек! Слазь с нар, поганая душа. Корреспондент, занимай его место! Зимовье мое, и я в нем хозяин, буду распоряжаться в соответствии с душевностью. Ну, шевелись, корова! Дурным духом от тебя наносит. Да и ты там не мешкай.

Пришлось подчиниться. Резвов обиделся:

- Ишь хозяин нашелся. Придешь в мое зимовье, на порог не пушу!

- В твое я ногой не ступлю - зачумленным лучше на морозе ночь скоротать.

Резвов кряхтя заполз под нары, долго шипел там, фыркал, как рассерженный изюбр.

Остальные притихли. Знали - Бутаров может и на мороз выгнать. Однако после вспышки он замолчал, задумался. За стенами потрескивали деревья от мороза, шептались рыжие дубки...

- Охотники-то вы плевые, - сказал он не сразу. - Не оттого, что убивать не умеете, а оттого, что души у вас нет. Зачерствела она, как сухарь. - Гурьяныч снова на минуту замолк и продолжил: - Случилось это давно, сразу после войны. Голодуха, неурядица, безденежье. Вернулись мы с фронтов и начали устраивать свою жизнь. Я работал на руднике, отпуск мне дали к первой пороше. Ушел я в тайгу. Ушел один, без напарника. И охотничий пес Уран со мной был: с ним любой зверь не страшен: шел за белкой, соболем, держал медведя, кабана. А когда я мерз у ночного костра, он ложился мне под бок. Вышел я из поселка и взял направление на Сигуеву сопку. И вдруг Уран взял след медведя. След был несвежий: собака вела меня, но далеко не убегала. Пройдет немного и вернется. Так и шли до ночи...

Ночь провели у костра. Было еще не очень холодно, поэтому мы отдохнули неплохо. Снова пошли следом. Медведь повел нас в верховья реки, отсюда он свернул в сторону моря и начал спускаться в Аввакумовские покоты. Я хотел было бросить зверя. Далеко зашли. В любую сторону до жилья километров полета. Добудешь зверя и мясом не попользуешься. А тут Уран сорвался с места, и вскоре слышу лай на

сопке. Уран держал медведя на узком взлобке. Я нашел их, карабин к плечу - выстрелил.

Пуля перебила медведю шею, и он покатился под гору. Освежевал его. Закопал мясо в снег, завалил валежником, патрон повесил, чтобы не растащили хищники мою добычу. Взял с собой сердце, печень, желчь отдельно уложил, вещь лечебная, бросил туда же и мясо и пошел напрямик через Ким-гору домой, чтобы взять коня.

Солнце пошло на закат. Хотел стать табором, но ветерок донес запах дыма. Забеспокоился и Уран. Скоро впереди залаяли собаки. Уран, вздыбив шерсть, приготовился к драке. Я взял его на поводок. Из ключа раздались крики:

- Шарик, Найда! Назад! Цыц!

Хорошая охотничья собака редко бывает злобной. Подошел к палатке. Пять охотников. Все рослые, бородатые, настороженные. Я-то понял - один человек в тайге всегда кажется подозрительным. Поздоровались. И я узнал их - это были тигроловы Кошаровы: отец, Алексей Никандрыч, и его сыновья, Тимофей и Дмитрий, с ними были Серафим Бывалин и Прокопий Горюнов. Этих я знал чуть больше.

Перед войной только и было о них разговоров. Больше всех добывали кабанов, медведей, белки и соболя. Но, чтобы они ловили тигров, - такого не слышал.

- Далеко же тебя занесло, - сказал Никандрыч.

- Так уж случилось.

- Добыл кого?

- Медведя подвалил.

- Вот хорошо! А у нас нет корму для собак, тигренка вот поймает, а кормить будет нечем. Продашь нам мясо.

- Я вам и так отдам, - сказал я. - Может быть, где ближе спроворю?

- Хм, а ты щедрый... Не побоялся один на косолапого идти?

- Собака выручает.

- Проходи, - сказал дед, - чай будем пить. Свежины твоей сварим, а то мы с голодухи слабеет стали.

Никандрыч говорил, а остальные молчали. Так же молча начали варить медвежатину. Поели. Дед снова спросил:

- Тигров-то когда видел?

- Так, издали. Но стрелять не приходилось...

- Зачем же стрелять дорогого зверя!
- Один не возьмешь, а так - кто меня возьмет? - сказал я.
- Мы возьмем. Пойдешь? Я ответил:
- Пойду.

- Пусть идет, только без пая, - бросил через плечо Тимофей Кошаров, здоровущий детина, как и отец.

- Без пая, говоришь? Это не по-охотничьи, - сказал дед и добавил: - Вшестером вязать легче. - Никандрыч помолчал, шевеля сухими губами, потом сказал: - Завтра распределимся - теперь спать. Сила в еде и во сне!

Спал я плохо, разные сны снились, убегал от тигров, медведей. Словом, мура. Ворочался, мешал Серафиму Бывалину спать. Он повернулся ко мне и прошептал:

- Ты спи спокойно. Мы ить тоже впервой на такую охоту. У Кошарова два напарника заболели, вот он и взял нас.

Чуть свет нас поднял Никандрыч. Пошли в вершину реки. Шли быстро, я едва поспевал за бородачами, хотя и сам был неплохой ходок по тайге. К полудню собаки начали рваться со сворок. Запоскуливали, рвались вперед. Вот и след.

- Пушай собак. Бегом! - крикнул Никандрыч и первым бросился в сопку, стреляя из карабина. Дмитрий вырвался' со своей двустволкой вперед и тоже загремел выстрелами.

- Бегом! - ревел Никандрыч. Вполгоры остервенело лаяли собаки. Никандрыч остановился и приказал:

- Руби вилагии!

Мы вырубили себе по рогулине и снова побежали на лай собак. Увидели их. Они всей сворой лаяли на выскорь. Под ней сидел тигренок. Зубы оскалены, шипит, рычит, лапами отбивается от собак. Поверьте, у меня все упало, как я увидел эту зверину. Ведь я думал, что это будет тигренок не больше собаки, а это был самый настоящий тигр.

Но не будь собаки в намордниках, а их было семь с моим Ураном, они бы, наверное, порвали и такого тигра.

- Навались, - крикнул старик и первым бросился на тигренка. Тот бросил собак и на Никандрыча. Но хитер старик, сунул в морду зверю свою фуфайку, которую нацепил на рогулину, зверь впился в нее когтями и зубами, не оторвешь. А мы все разом его и оседлали.

Все оказалось легко и просто, даже не верилось. Тигренка спеленали, он пометался на снегу и затих. Соорудили носилки, уложили его и понесли в табор. Зверь весил до восьми пудов, а тут чащи и подъемы, пока донесли, так устали, что еле ногами двигали. У палатки настелили лапнику под бока зверю, накрыли пологом, чтобы не простыл, и занялись делом: кто дрова рубил, я варил хлебово. Управились и сели передохнуть. Смех, разговоры. Хохотали Дмитрий и Тимофей, вспоминая случай из тигровой охоты, как Дмитрий попал под тигра, который на прыжке сбил его, схватил зубами за ичиг, а Дмитрий вместо того, чтобы вырываться от тигра, орал: "Спасите ногу, как я буду тигров ловить". Тимофей рассказал, как его раненый кабан день держал на дубу. Словом, обычный охотничий треп.

Но я стал замечать, что с Горюновым что-то неладное творится. Он молчал, не смеялся, выходил из палатки, садился перед тигром, подолгу смотрел ему в глаза, гладил его широкий лоб...

Так продолжалось до сумерок. И вдруг собаки подняли лай, они были привязаны на поводках. В палатку ввалился Горюнов, бледный, качается, глаза хмельные.

Мы похватали ружья и вон из палатки, думали, тигрина напала. Но... Там, где должен был лежать пленник, было пусто. Лишь вмятина осталась от его боков на лапнике.

- Утек! Отпустил! - заорал Дмитрий Кошаров. Во мне все оборвалось. Не потому, что убежал тигренок, а испугался за Горюнова, могли порешить человека.

Разом бросились в палатку. Первым влетел Тимофей, ударил в скулу Горюнова, тот упал лицом вниз. Подскочил Дмитрий, и начали они пинать лежащего. Серафим растерянный стоял в проеме палатки.

Горюнова били, но он не сопротивлялся. Хотя мог бы дать обоим сдачи, ростом сажень, грудь, как у богатыря, ручищи по пуду каждая. Лишь закрыл голову руками и молча сносил побои.

Старик Кошаров вскинул винтовку и выстрелил в подволок палатки. Истязатели отскочили от Горюнова.

- Стоять! Гроба мать! - заорал он на сынов. Те, видно, знали характер отца и прыснули по сторонам.

Никандрыч тряхнул седой головой, сел на чурку, положил винтовку на колени и тихо сказал:

- Ну, Проша, вставай, рассказывай, пошто спустил зверя? Не перед нами, а перед совестью своей исповедуйся. Двадцать тыщ ушло. Одному за год не заработать. Ушло, а ить все старались. На што Серафим - охотник не из дюжих, а работал на славу. Ему тоже деньги нужны. Вставай!

- Горюна мало убить... - заговорил Дмитрий, но дед стрельнул в него глазами и тот стих.

Прокопий поднялся, расправил плечи, смахнул кровь с рассеченной губы, сел на бревно и, не поднимая головы, проговорил:

- Отпустил и вся недолга. Так душа повелела. Деньги у меня на сберкнижке есть, отдам двадцать тысяч. Берите...

- Отдашь? А возьмем ли мы? - рявкнул Никандрч. И чуть тише сказал: - Ты деньгами не сори. Я знаю цену таежным копейкам не меньше твоего. Не бросовы они. Ты нам душу открой! Понимаешь, душу! - с диким ревом старик вскочил, страшный и взлохмаченный, как привидение. Казалось, он сейчас бросится на Горюнова. - Я шестьдесят лет из тайги не выхожу, сотни медведей ухлопал, десятки тигров изловил, но такого не видывал. Отпустить свое, наше! - Он покачал головой и переменял тон: - Откройся, Проша, знаю, не от добра сделал такое. Что у тебя на сердце?

- Что с ним толковать, хлопнуть за такое и вся недолга, - закричал Дмитрий.

- Молчать, сукин сын! Я те хлопну!

Тимофей потянулся к винтовке. Я проследил за его рукой и тоже взял свой карабин. Подмигнул Серафиму, чтобы и он вооружался. Сам положил карабин так, чтобы его глазок смотрел на Тимофея. Тимофей чуть поежился и оставил винтовку.

Прокопий отхаркнулся кровью, поднял голову и выдохнул:

- Пожалел я. Увидел, как из его глаз выкатились две крупные слезинки и спрятались в бороде. Не хочу развязывать его путы, а сам развязываю - это как наваждение. Вначале развязал задние ноги, потом снял намордник, последними освободил передние лапы. Думал, бросится на меня. Ан, нет. Полежал он с минуту, видно, все еще не верил, что свободен, а когда поднялся, долго смотрел на меня, потом побежал, со всех ног поскакал в гору... Можете снова поймать, далеко не уйдет, - после короткого молчания сказал Горюнов и опустил голову.

Молчание установилось на какое-то время.

- Ну, что ж, - сказал Никандрыч и убрал с колен винтовку. -Будя, Проша, себя терзать. Прощен. Иди с миром. Надломилась твоя душа. Наизнанку вывернулась. Пропал охотник. Новый винтик не вставишь! Спел ты свою лебединую песню. В нас стрелил не холостым зарядом, а разрывную пулю в сердце всадил. Твоо владыку не тронем. Пусть свободе радуется. Всех денег не заберешь...

Утром я и Горюнов ушли на север, остальные пошли на запад. Больше я его не видел в тайге.

- Вот и все... - закончил Бутаров и повернулся на правый бок. Долго ворочался Резвов под нарами, вздыхал. Шла ночь...

